

Темные предки светлой детки

Автор:

Дарья Донцова

Темные предки светлой детки

Дарья Аркадьевна Донцова

Иронический детектив (Эксмо) Любительница частного сыска Даша Васильева
#61

Даша Васильева – мастер странных покупок, но на сей раз она превзошла себя. Дашутка купила приправу под названием «Бня Борзая», которую из магазина доставили домой на... самосвале. И теперь вся семья ломает голову, как от этой «вкусноты» избавиться. В это же время в детективное агентство полковника Дегтярева обратилась студентка исторического факультета Анна Волкова. Она подрабатывает составлением родословных. Однажды мама подарила Ане сумку, которую украшали ее фотография в молодости и надпись «Светлая детка». Девушка решила сделать ответный подарок – родословную матери. Распутывая клубок семейных тайн, Волкова выяснила, что бабушка всю жизнь жила под чужой фамилией! И теперь она просит сыщиков помочь найти ее предков и узнать, что произошло с бабулей. Дегтярев и Васильева принимаются за расследование и выходят на приют, где пациентов лишали жизни, а потом они возрождались в другом облике...

Дарья Донцова

Темные предки светлой детки

© Донцова Д.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

«Если вы купите у нас перчатку на правую руку, то такую же на левую руку получите бесплатно».

Я прочитала объявление раза три, прежде чем поняла его смысл, и рассмеялась. Из магазина вышел парень.

– Заходите, у нас хороший выбор, и цены приятные.

– С чувством юмора у вас тоже порядок, – отметила я.

Юноша заулыбался.

– Кое-кто воспринимает объяву всерьез.

– В подобное трудно поверить, – сказала я и тут же услышала женский голос:

– Вы продавец?

– Да, – ответил мой собеседник.

Я обернулась и увидела симпатичную девушку в красном брючном костюме.

– На левую руку дадите перчатку по моему выбору? Или у вас только какая-то одна модель? – продолжила она.

Я уставилась на незнакомку. Ну нет, таких глупышек не встретить: она шутит.

– Левая будет соответствовать правой, – пообещал торговец.

– Супер, – заликовала покупательница и кинулась в лавку.

Парень поспешил за ней, на пороге он обернулся и произнес:

– А вы не верили! Вчера одна женщина поинтересовалась: «А варежки можно? Если я приобрету две пары, то левую рукавичку дадут в подарок к двум или только к одной?»

Тихо хихикая, юноша исчез в магазине. Я двинулась к машине, и тут мне на телефон прилетело сообщение от Нины, няни Дунечки, а заодно и нашей домработницы: «Уважаемая Дарья, прошу простить меня за то, что отвлекаю вас. Если вы еще не ушли из торгового центра, то купите пару пачек «Бни борзой». Марина очень просила». Я задумалась. Нина слишком хорошо воспитана, на днях она сказала нашему мопсу: «Дорогой Хуч, извините, что мешаю вам отдыхать, но мне нужна шаль, на которой вы лежите. Сделайте одолжение, приподнимитесь, я ее возьму».

Просто согнать собаку Нине в голову никогда не придет. В придачу к вежливости няня аккуратна до занудства, маниакально чистоплотна, и у нее начисто отсутствует чувство юмора. Когда Нина появилась в нашем доме, члены семьи начали ее разыгрывать, но потом забросили это занятие, потому что Нинуша верит в любую чушь, которую ей говорят. И сейчас я в раздумьях: Марина решила подшутить над няней, поэтому попросила отправить хозяйке эсэмэску о покупке странной вещи «Бня борзая»? Или эта Бня – некий экзотический продукт, о котором жена Дегтярева, гениальная кулинарка, знает, а я, не способная даже макароны отварить, и не слышала.

В конце концов я позвонила Манюне и услышала:

– Абонент недоступен.

Вздыхнув, я пошла в супермаркет и остановила девушку в куртке с эмблемой «Еда для всех».

– Скажите, где можно купить нечто под названием «Бня борзая»?

Задав вопрос, я подумала, что сотрудница супермаркета или рассмеется, или решит, что перед ней сумасшедшая, но та ответила:

– Посмотрите в отделе специй.

Я заморгала.

– «Бня борзая» – это приправа?

Сотрудница супермаркета очаровательно улыбнулась.

– Да, да, именно так!

Испытывая глубокое удивление, я добралась до отдела специй и приуныла. Я очутилась в большом помещении, стены его от пола до потолка были заполнены полками с баночками, пакетиками, коробочками. И где тут «Бню борзую» искать? Потом я заметила молодого человека с бейджиком «Виктор, ваш консультант» и кинулась к нему со всех ног.

– Бня борзая, – повторил паренек и включил компьютер. – Вам какую?

– Они что, разные? – изумилась я.

– Конечно, – пустился в объяснения менеджер, – у них разный способ обжарки: африканский, турецкий, китайский, вьетнамский.

– Какая Бня лучше? – уточнила я.

– Смотря для чего? – задал свой вопрос собеседник.

Это был нокаут. Я понятия не имела, что с приправой собралась делать Марина, и приняла соломоново решение.

– Возьму по одной каждой.

– К сожалению, товар для нас новый, – приуныл юноша.

Я спросила:

– И что?

Виктор развел руками.

– В наличии только африканская.

– Беру! – воскликнула я.

– Бня продается в пакете, на развес не идет.

– Прекрасно, мне одну штуку, – решила я.

– В данный момент на складе ее нет, – заявил парень.

– А зачем тогда вы так долго выясняли, что мне надо? – удивилась я. – Лучше бы сразу сказали, что товар отсутствует.

– Программа тупая, – пожаловался Виктор, – сначала надо ввести заказ, оформить его, и только потом тебе скажут, есть ли нужный товар. Не расстраивайтесь, привезем приправу вам на дом.

– Отлично, – обрадовалась я и тут же усомнилась: – Доставят один пакет?

– Конечно, – заверил Виктор, – у нас все для вас. закажете пучок укропа? Мы его вам притащим. Давайте адрес.

– Поселок Ложкино... – начала я.

– Так он тут совсем рядом, – обрадовался парень и, увидев, что я достала кошелек, добавил: – Оплата при получении. Внимательно проверяйте целостность упаковки. Чаевые курьеру необязательны, но они приветствуются.

Восхищенная сервисом, я пошла к машине и услышала писк телефона. Меня разыскивал Собачкин.

– Ты где? – спросил он.

– В супермаркете, – отчиталась я, – вернусь домой минут через десять.

– Давай не задерживайся, – велел приятель, – у нас клиент!

Я обрадовалась.

– Отличная новость, мы давно сидим без работы.

В прекрасном настроении я порысила на парковку. Почему Дегтярев, который всю жизнь не любил частных сыщиков, стал владельцем детективного агентства, и по какой причине оно носит идиотское название «Тюх-Плаза», я уже рассказывала и повторяться не хочу[1 - История создания «Тюх-Плаза» рассказана в книге Дарьи Донцовой «Годовой абонемент на тот свет»]. Сообщу лишь, что клиенты к нам не спешат. Александр Михайлович регулярно придумывает всякие рекламные акции, но до сих пор они успеха не принесли. Толстяк постоянно недоволен тем, как идут дела. Я же понимаю, что штат агентства невелик, нас всего пять человек: Дегтярев, Собачкин, Кузя, я и эксперт Леня. Чем занимается последний, понятно. Леонид изучает разные улики, а еще у него масса знакомых и приятелей во всяких лабораториях и научных центрах. Кузя – компьютерный гений. Мы с Сеней два полевых агента или оперативника, называйте как хотите. Полковник осуществляет общее руководство и, когда надо, использует свои связи. Ну и каким образом столь малочисленному составу справиться с большим объемом работы? Я вполне довольна своей службой. А вот Дегтярев спит и видит многоэтажный офис на территории Кремля, очередь клиентов, которая пять раз опоясывает мавзолей и змеится до Тверской. Александр Михайлович мечтает руководить самым крупным детективным агентством земного шара. Но пока ему приходится довольствоваться ролью скромного, почти деревенского сыщика.

Я подъехала к дому и поспешила в гостевой домик.

Глава вторая

– Меня зовут Аня Волкова, – представилась наша клиентка.

Я покосилась на ее сумку, которую украшали портрет Ани и надпись: «Светлая детка». Девушка поймала мой взгляд и улыбнулась.

– Как вы думаете, чей портрет на сумке?

– Ваш, – ответил вместо меня Семен.

Аня засмеялась.

– А вот и нет. Это фото моей мамули, сделанное, когда она училась в институте. Мою маму, Елену Петровну, еще со школьных лет звали «светлая детка». У нее такие белые волосы, что многие считали, будто она слишком обесцветила их, плюс такие же брови, голубые глаза. А вот ресницы черные.

Аня перевернула сумку.

– А это я, видите надпись: «Детка светлой детки». Я просто русая.

– Вы невероятно похожи, – поддержал праздный разговор Сеня.

– Да, – подтвердила гостя, – и мы очень любим друг друга. Моя мама замечательная. Это она заказала мне сумку в подарок на день рождения, он у меня неделю назад был. Правда, оригинально? Ох, я пришла не об аксессуарах беседовать. Извините, отвлеклась. Я студентка исторического факультета, зарабатываю составлением родословных. Занимаюсь этим с первого курса: сначала не очень хорошо получалось, потом появились опыт и люди, которые могут продать или подсказать, где получить информацию.

– Сколько стоит узнать о своих предках? – любопытствовал Сеня.

– Единого прайса нет, – пояснила девушка, – все зависит от желаний клиента, от того, чего он хочет. Некоторые люди мечтают найти аристократические корни. Они совершенно не желают знать правду. Предки крепостные крестьяне таким не подходят, им нужны граф, барон, князь. Если я вижу, что пришел такой клиент, то не занимаюсь настоящей работой, еду к своему приятелю, тот изготавливает всякие «документы», из которых явствует, что заказчик – прямой потомок самого древнего дворянского рода.

– То есть вы клиента обманываете? – уточнил Кузя.

– С одной стороны, да, – согласилась Аня, – с другой – это игра. Человеку хочется изображать из себя князя. Почему нет? Фальшивые бумаги нужны только для домашнего использования и собственного удовольствия. С их помощью карьеры не сделаешь, денег не получишь. Стоит такое «дворянство» недорого. Его можно подарить кому-нибудь на юбилей. А вот если ко мне обращается клиент, который на самом деле намерен выяснить, кто он, то в данном случае ведется кропотливая работа с документами, командировки в разные города. Не все оцифровано, приходится порой сидеть в подвалах, листать, например, церковные книги с записями о венчании, крещении, отпевании. И тогда ценник другой. У меня команда небольшая, но трудолюбивая. Когда мама подарила мне сумку с фотографиями, я решила сделать ей на предстоящий Новый год подарок. Ее воспитывала моя бабушка Ксения Федоровна, другой родни не имелось. Бабуля умерла, когда я училась в школе, хорошо ее помню. Очень красивая, даже в совсем пожилом возрасте стройная, высокая, с прямой спиной. Она до старости замечательно танцевала, никогда не повышала голоса, в самой неприятной ситуации сохраняла спокойствие, много читала, могла что-то приготовить, но не любила стоять у плиты. Бабуля никогда меня не обижала, однако у меня всегда было ощущение, что она находится за стеклом, как в Зазеркалье.

Аня закашлялась, потом продолжила:

– Бабуля много работала, в детстве я ее почти не видела. Она не водила меня в театр, консерваторию, не читала мне книг на ночь. И никогда не предавалась воспоминаниям. Я ни разу не слышала от нее фразу, которую часто произносят пожилые люди: «Вот во времена моего детства...» У Ксении Федоровны будто не было детства, юности, она родилась сразу пожилой. Вот такое создавалось впечатление.

Аня налила в стакан воды из бутылки.

– Мне исполнилось двенадцать, когда бабуля умерла. Мама регулярно ездила на кладбище, но меня с собой не брала. Я на погосте впервые оказалась, когда мне исполнилось семнадцать: посмотрела на памятник, на котором не стояли даты, но была фамилия бабушки – Бузурукинская, и впервые у меня возник вопрос, уж не знаю, почему именно на могиле Ксении Федоровны.

– Мамуля, сколько тебе лет исполнилось, когда ты меня родила?

Мать улыбнулась.

– По тем временам много, на меня врачи дивились. Тогда старородящими называли тех, кому двадцать пять исполнилось. А мне сорок!

– А бабуля тебя когда на свет произвела? – не успокаивалась я.

– Для нее возраст значения не имел, – сказала мама, – она с течением времени не менялась. Поэтому годы ее жизни не указаны, она так хотела.

Но я никак не могла успокоиться.

– Бабушка какого года рождения?

Мамуля поморщилась.

– Точно не помню, где-то начало тридцатых. Она еще до войны на свет появилась.

Я продолжала расспросы:

– А кто мой дедушка?

И снова слышала:

– Не знаю.

– Как? – оторопела я. – Ты не в курсе, кто твой отец?

Мама грустно призналась:

– Лет эдак в тринадцать я начала приставать к матери с вопросами про отца, близких родственников. Она объяснила: «Муж бросил меня беременной. Мне неприятно вспоминать этого человека. Он тебе не отец. Биологический

производитель. Мама и папа у тебя я».

Анна откинула с лица прядь волос.

– Меня ее ответ не устроил, я попыталась разузнать, кто родители бабушки. И вновь наткнулась на глухую стену. Мама ничего о них не знала, потому что Ксения воспитывалась в детдоме.

Я сдалась и больше не интересовалась своими корнями. Но та беседа запала мне в память и подсказала идею бизнеса, которым я сейчас занимаюсь. И вот я решила сделать мамуле подарок – составить родословную, подумала, что она очень обрадуется. Каждому человеку ведь хочется знать правду о своих предках.

Аня опустила глаза и замолчала.

– Елена Петровна не пришла в восторг от вашей идеи? – предположила я.

Волкова сложила руки на груди.

– Она понятия не имеет о моих поисках. А я как-то выждала момент, когда мама ушла по делам, залезла в ящик стола, где хранятся документы. Маминых там полно, есть и мои. А от бабушки осталось только свидетельство о смерти.

– Странно, – заметил Дегтярев.

– Люди обычно хранят тьму всяких старых удостоверений, справок, – добавил Сеня, – как минимум в том ящике должно находиться свидетельство о браке вашей бабушки и о разводе, ее метрика, аттестат об окончании школы, диплом о высшем или специальном образовании.

– Я занимаюсь составлением родословных, – напомнила Аня, – и всегда разговор с серьезным клиентом, не с «аристократом», начинаю с вопроса: «Какие документы есть у вас дома?» Вы не поверите, что порой мне показывают. В одной семье сохранились карточки на хлеб времен блокады Ленинграда, в другой мне показали приглашение на бал времен Пушкина. Кое у кого чемоданы всякого разного. И есть минимальный набор, который есть у всех: документы

родителей. Если они живы, это паспорта, если умерли – свидетельства о смерти. Бумаги о браке, разводе, завещания. Аттестаты, дипломы, трудовые и сберкнижки – народ все хранит. А у нас ничего! Я была рада, что хоть фамилию бабули выяснила – Бузурукинская.

– Не Волкова, как Елена Петровна? – заинтересовалась я. – Странно.

– Бузурукинская, – повторила Аня.

– Не вижу пока ничего удивительного, – воскликнул Кузя, – Ксения Федоровна вышла замуж, записала дочь на отца.

– Анна нам только что сообщила, что бабушка категорически не хотела говорить о дедушке, – напредила я, – женщина так себя ведет, если мужчина ее насмерть обидел. Сомнительно, что Ксения дала дочке фамилию, которая вызывала у нее неприятные воспоминания.

– Ну, это только начало рассказа, дальше еще интереснее, – пообещала Аня. – Я стала искать Бузурукинскую Ксению Федоровну и...

Девушка сделала паузу.

– И быстро выяснила, что женщина с такими данными скончалась, когда мне было около двух лет.

– Так, – протянул Дегтярев.

– Бузурукинская – не самая распространенная фамилия, – продолжала Аня, – я не нашла ни одного человека с такой.

– Возможно, несмотря на уникальность данных, имелась все же еще одна женщина – тезка вашей бабушки, – предположил Леня.

Аня подняла бровь.

– Бузурукинская Ксения Федоровна? И день рождения у нее шестнадцатого марта, как у бабушки?

– Это уж слишком, – согласился Леонид.

Глава третья

Аня открыла сумку и вынула папку.

– Бабушка терпеть не могла фотографироваться. И что уже совсем удивительно, у нас нет альбомов со снимками.

– Они в каждой семье есть, – воскликнул Сеня, – толстые такие, с обязательными отпечатками из советских лет. В детские сады и школы на Новый год, на выпускные вечера всегда приглашали фотографа. Родители покупали стандартные снимки и бережно их хранили. Свадьба. Рождение детей. Похороны. Все события непременно запечатлевались. Фотоаппарат считался дорогой техникой, но многие граждане его приобретали, потом в ваннных комнатах проявляли пленку, печатали снимки.

– А у нас нет альбомов, – повторила Аня, – удивительное дело, до какой степени дети порой нелюбопытны. То, что мама не собирает фотографии, я поняла лишь недавно, когда стала искать ее предков. Вернее, у нас есть «летопись», связанная со мной. Детский сад, школа. Мне сейчас двадцать два года, поэтому в раннем детстве меня не снимали на телефон. Мама и бабушка не имели мобильных с камерами.

Аня вздохнула.

– Я на самом деле оказалась крайне нелюбопытной. О работе бабушки вообще ничего не знала. Да и маминой службой не интересовалась. Ксения Федоровна была связана с медициной, мама работает в поликлинике, но я никогда у нее там не показывалась. Она до сих пор трудится, мы финансово вполне обеспечены. Но дорогие телефоны они не покупали. Бабушка говорила, что никогда не поймет, как пользоваться телефоном без кнопок, еле-еле от наборного диска отвыкла. У нее так и осталась «раскладушка». Нет у меня ее снимков. Но, проявив настойчивость, я раздобыла несколько фото бабушки. Вот копии не очень хорошего качества, но вы все поймете.

Аня положила на стол лист.

– Здесь хорошенькая, круглолицая молодая блондиночка, которая получила в положенный срок свой первый паспорт, его в СССР выписывали в шестнадцать лет. Перед вами фото для паспорта, найденное в архиве, и там же добыто второе. Бабушка спустя время «серпастый, молоткастый»[2 - Серпастый, молоткастый – Аня не совсем точно цитирует стихи В. Маяковского о советском паспорте. У поэта он «молоткастый, серпастый».] потеряла, ей выдали другой. И вот снимок из него.

Леня стал рассматривать материалы.

– Та же блондинка. Слегка изменилась, но похожа. Овал лица чуть поплыл, добавились килограммы. Но женщина вполне ничего. Те же кудряшки, курносый носик, пухлые губы, глаза явно светлые. Тип – сельская красавица. Таких в России много.

– Ладно, – сказала Аня, – а вот снимок Ксении Федоровны, он сделан в мой день рождения по моему требованию. Хорошо помню тот день. Мне исполнилось одиннадцать. Я въезжала в подростковый возраст, обижалась на всех, находила любой повод, чтобы надуть губу. У нас просторная, прекрасная квартира. Мама никогда не запрещала мне приглашать подруг. Нельзя было только ходить в уличной обуви по дому и совать любопытный нос в спальню бабушки. Дни рождения мне устраивали пышные, с гостями, тортом. Но тогда мне ударило в голову: устроить праздник в сетевой бургерной! Мама с бабушкой не обрадовались, но согласились. В трактире имелась комната для празднования, гамбургеры, воздушные шары и клоун-ведущий. Когда внесли торт, аниматор велел:

– Делаем общий снимок!

Бабуля тихо встала и пошла к двери, она явно не хотела быть запечатленной. Но я ее остановила:

– Ты куда?

– Душно здесь, голова закружилась, – объяснила Ксения Федоровна.

Но я закричала:

– Хочу фото с бабушкой! У меня день рождения, праздник!

– Мама, не уходи, – попросила Елена Петровна, – думаю, тебе лучше согласиться.

И бабуля осталась. Клоун сделал несколько снимков на поляроид. Вот вам один. Оцените!

– Опаньки! – воскликнул Кузя. – Можно не включать программу определения личности по костям черепа. Тут все визуально понятно. И темные волосы в придачу.

– Их можно покрасить, – пробурчал Дегтярев, – в возрасте Бузурукинской люди седеют.

– Верно, – согласился Леня, – с прической можно проделать что угодно. Но некоторые части лица после того, как человек вышел из юного возраста, не меняются. Что мы имеем на фото с дня рождения Ани? Узкое лицо, глаза расположены близко к носу, глубоко посажены, лоб высокий, широкий. А теперь посмотрим на копию снимка из паспорта, который Бузурукинская получила в шестнадцать лет. Забудем про шевелюру. Глаза! Они слегка нависают, раскосые. Переносица широкая. Лоб узкий, низкая линия роста волос. Лицо круглое. По снимку трудно понять, но, похоже, у девушки был синдром Дауна, который не слишком выражен внешне. Но фотокопии не ахти. Я не вижу, есть ли эпикантус. Он может быть и у человека без синдрома Дауна. Короче, Ксения Федоровна в бургерной не та Ксения, которая получила первый паспорт.

Леня потер руки.

– Бузурукинская умерла, о чем, полагаю, есть запись в соответствующей книге. Потом Бузурукинская ожила и достигла весьма преклонных лет. Вот только внешность ее дивным образом изменилась. Возникают вопросы.

– Да их полно! – подпрыгнула Аня. – Как документы покойной оказались у моей вполне живой бабули? Кто она? По какой причине решила жить под чужим именем?

Сеня потер затылок.

– При наличии определенных связей проделать такой финт можно. Не хочу сказать, что легко и каждый способен на это. Но есть возможность воспользоваться паспортом мертвеца, я знаю пару человек, которые тоже «ожили». В годы перестройки с перестрелкой это был любимый трюк главарей преступных группировок. Их убивали в каких-то разборках, они погибали в ДТП, а потом в уютном тихом месте быстро строился дом, в который вселялся законопослушный Ваня Иванов и жил себе припеваючи, и до сих пор проживает. И никто не знает, что косточки настоящего Вани давно в лесу закопаны.

– Полагаете, что моя бабушка бандитка? – насупилась Аня. – Между прочим, она была интеллигентной женщиной!

Сеня склонил голову к плечу.

– И что? Полно преступников, которые выглядят и ведут себя, как выходцы из аристократических семей. Они любят своих детей, а вот чужих спокойно могут пристрелить.

Аня вскочила.

– Бабуля не такая!

– Хотите знать правду? – спросил полковник.

– Да, – кивнула девушка.

– Истина опасна, – продолжал Дегтярев, – она не всегда такова, какой ее хочется знать. Может, вам просто забыть об этой истории? Вы любили бабушку, Ксения Федоровна прекрасно относилась к вам. Что да как у нее случилось до того, как вы появились на свет, не имеет значения.

– Очень даже имеет! – вспыхнула Волкова.

– Тогда вам придется подготовиться к тому, что о жизни госпожи Бузурукинской могут выясниться неприятные подробности, – прибавил Собачкин, – правда, так правда. Полным половником.

Аня села.

– Сама порой говорю подобные слова клиентам, которые уверены, что их предки герои. Недавно один военачальник, сирота, которого усыновила семья генерала, решил узнать, кто его биологические родители. Некоторое время он сам пытался их разыскать. Приемная мать рассказывала мальчику, что его родной отец погиб как герой, он служил разведчиком, а мама умерла от тоски по мужу. А потом выяснилась неприглядная истина. Папашу расстреляли по приговору суда как расхитителя социалистической собственности. Он занимал пост директора оборонного завода, клал в свой карман государственные деньги из бюджета предприятия. А его жена, забыв про двухлетнего сына, покончила с собой, боясь оказаться на зоне. Я очень нервничаю, но хочу узнать настоящую правду. Сама не смогла ничего выяснить.

– Ну почему? – возразил Сеня. – Фотографии – это большой успех. И еще соображения. Профи убрал бы запись о кончине первой Бузурукинской. То, что сведения остались в книге, наводит на мысль, что никакие спецслужбы тут не замешаны. Они столь топорно не работают: да, ошибки допускают, но не такие элементарные. По закону паспорт покойного забирают в загсе и уничтожают, взамен выдают свидетельство о смерти. Могу посоветовать всем, кто потерял близких, сделать ксерокопии паспорта и только потом его сдавать. Порой скан очень даже может пригодиться. Возможно, что сотрудница загса справку выдала, в книгу все записала, а сам паспорт кому-то продала.

– Возможен иной путь, – подал голос Кузя, который, как всегда, сидел, уткнув нос в ноутбук.

– Какой? – удивился Дегтярев. – Сеня точно изложил: паспорт сдают в загс. Следы ведут туда.

– Если у покойного утерян основной документ, – продолжил Кузя, – то ему сдавать нечего. А это происходит нередко. Или умер совсем пожилой человек, родня бросилась паспорт искать, а нет его. Куда делся? Неведомо.

– И что делать в этом случае? – удивилась я. – Держать покойного в морге, пока не найдется нужное?

– Нет, – сказал Кузя, – свидетельство о смерти выдают по справке из полиции.

– Подожди, подожди, – возбудилась я, – можно прийти к участковому и сказать: «У нас умер дедушка, мы всю его квартиру перерыли, а паспорта нет». И он даст справку о потере документа?

– Да, – кивнул компьютерных дел мастер, – и если ты не жадная девушка, принесла с собой нечто приятное, оно или булькает, или шуршит в конверте, то процесс получения справки заметно ускорится. А если лапки у тебя пустые, презентика полицейскому нет, то справку тебе выдадут непременно, просто время потянут.

– Можно соврать, что паспорт отсутствует, – не утихала я, – сдать справку из полиции в загс и получить свидетельство о смерти. И у меня окажутся и паспорт покойного, и документ, без которого мертвеца на кладбище не похоронят.

– Да, – снова согласился повелитель компьютеров.

– Без свидетельства о смерти не похоронят, – пробормотал Дегтярев, – Кузя прав. Порой не нужны сложные комбинации, есть простое, вполне законное решение проблемы.

– Вот поэтому я к вам и пришла, – воскликнула Анна, – посоветовалась с одним знакомым. Правды ему не рассказала, сообщила: «Имеется деликатная проблема. В полицию обращаться не хочу, свои контакты использовать не могу, посоветуй честного, опытного профессионала. Я заплачу сколько надо. Мне ответили: «Обратись в «Тюх-Плаза», название дурацкое, но там главный по поиску – великий человек, гений, он заведует...

Дегтярев приосанился и пробормотал:

– Захвалили прямо!

– ...компьютерами, – договорила Аня, – зовут его Кузя, не было случая, чтобы он не нашел то, что надо.

Глава четвертая

После того как Аня ушла, полковник, буркнув:

– Пойду поем, – быстро удалился.

Мы с Сеней тихо захихикали.

– Чего смешного? – не понял Кузя.

– Просто у нас веселое настроение, – ответила я. – Пошли в большой дом, наверное, Марина приготовила что-то вкусненькое.

Сеня встал.

– Думаю, надо плясать от настоящей Ксении Федоровны.

– От блондинки? – уточнила я.

– Согласен! – воскликнул Кузя. – Для начала я узнаю ее адрес и биографию. Бузурукинская номер один скончалась, надо попытаться узнать, кто она такая.

Обсуждая дальнейшие действия, наша малочисленная группа приблизилась ко входу в особняк. И я увидела младшего брата своей свекрови: он высунулся из открытого окна гостевой спальни первого этажа.

Почти в каждой семье есть родственник, с которым никто не желает иметь дела. Его с радостью не приглашали бы на Новый год, дни рождения и другие праздники. С этим человеком стараются свести общение до минимума. Часто это алкоголик, наркоман или просто идиот, который говорит и творит глупости. Возможен и другой вариант. Этот член семьи умен, поэтому прикидывается

добрым, понимающим, а вы попались на его удочку, рассказывали ему, что терпеть не можете свою свекровь, но вынуждены ради хороших отношений с мужем изображать любовь к его матери. Никогда нельзя выкладывать все, что накопилось на душе, даже тому человеку, который, как вы полагаете, является вашим хорошим другом. Не пройдет и получаса, как свекровушка узнает от приятной во всех отношениях личности о словах невестки, и вам придется икать всю оставшуюся семейную жизнь. А если вы упрекнете «милого, интеллигентного», с обидой в голосе воскликнете: «Как ты мог разболтать мою тайну?», то услышите в ответ: «Я, по-твоему, передал содержание нашей беседы тете Тане? Да никогда. Неужели тебе не стыдно упрекать меня, молчаливого, нескандального человека, в подобном?» И теперь в доме насмерть обиженная мать мужа и родственник, который талантливо разыгрывает гамму чувств: возмущение, удивление, печаль, непонимание: «Ну как ты могла так дурно обо мне подумать?» Поздравляю, вы отвратительная жена, оскорбившая мать своего мужа. А еще гадкая особа, которая ни за что нанесла глубокую моральную травму нежной душе родственника, и никакие слова, что никто другой о вашем отношении к свекровушке понятия не имел, вам не помогут оправдаться.

Гарик принадлежит к этому отряду мерзких людишек. Сообщать о том, сколько денег он нам должен, я не хочу. Основав на мои средства очередной бизнес, младший сынок Зои Игнатьевны, бабушки Феликса и матери Глории, моей свекрови, всегда быстро прогорает. Гарик – черная дыра, в которой бесследно исчезают любые суммы. Чем он занимается? Постоянно затевает бизнес, в его голове периодически возникают воистину «потрясающие» идеи. То он собирается выпускать туалетную бумагу со съедобной втулкой, а что? Прекрасная штука. Размотал в туалете рулон, а круглую основу съел. Или, например, еноты-полоскуны: они же могут стать бесплатными прачками, вытеснят с рынка автоматические стиральные машины. Беспроектной показалась Гарику и идея отыскивать с помощью собаки Мафи в подмосковных лесах грибы трюфели, а потом продавать их за сотни тысяч евро на мировых аукционах. Можно я не буду продолжать этот список? Поверьте, он очень длинный. Затевая очередное безумство, Гарик бывает абсолютно уверен, что разбогатеет. Никакие доводы вроде: «Под Москвой трюфели никогда не росли» на парня не действуют. Он с головой бросается в омут бизнеса и тонет в нем, не успев издать всхлипа. А когда добрые люди вытаскивают Игоря за шкуру на берег, он мигом обвиняет в своих неудачах тупой российский народ, который не способен креативно мыслить, не хочет жевать втулку и приобретать енотов. Игорь тотчас теряет интерес к неудавшемуся делу. Полоскунов и собаку Мафи он просто решил выгнать на улицу: мы пристроили енотов к знакомому, который содержит зоопарк, и все они там отлично себя чувствуют. А Мафи забрали к

себе, она теперь каждый день радует нас очередным хулиганством.

После очередной тупой затеи, когда Игорь чуть не довел до инфаркта всех членов нашей семьи, я сурово заявила ему:

– Вам отказано от дома.

И очень надеялась, что более не увижу креативного дурака. Гарик на некоторое время пропал, а я похвалила себя за то, что в конце концов избавилась от него. У свекрови совсем другой характер: она мало говорит, никогда никому не делает замечаний. Мы с ней подружились. Гарик же – любимчик Зои Игнатьевны, а его старшая сестра вызывает у матери фонтан замечаний, упреков и приказов, которые начинаются фразой: «Конечно, ты не сможешь ничего сделать по-человечески, но попробуй хоть...» Далее идет список неотложных дел, которые Глория должна выполнить мгновенно. Отдав дочери приказ, мамаша через пять минут осведомляется:

– Обед уже готов?

– Нет, – отвечает Глория, – я картошку чищу.

– Как? – приходит в негодование Зоя Игнатьевна. – Ты до сих пор не сварила суп, не пожарила котлет, не испекла кулебяку и, конечно, не вычитала мою статью для журнала «Чудеса нашего мозга» о том, как следует поддерживать здоровый психологический климат в семье? Нет? Отвечай немедленно.

Любая женщина, услышав от Бабы-Яги, временно прикинувшейся человеком, подобный спич, мигом ответит:

– Вы попросили сделать обед пять минут назад. Увы, я не владею волшебной палочкой.

Но моя свекровь не способна на такое бунтарство, она лишь опускает голову и молча режет овощи. Когда Зоя Игнатьевна не знает, как докопаться до дочери, она все равно устроит ей скандал, который начинается фразой:

– Как ты посмела так себя вести!

– Мама, что я сделала? – изумляется Глория. – Сажу в кресле молча, читаю книгу.

Зоя Игнатьевна выхватывает из ножен саблю и, размахивая ею, нападает на дочь.

– У тебя такое выражение лица, что сразу становится понятно, что ты ненавидишь меня, грубишь мне, вечно споришь.

А вот Гарик всегда хороший. Если первого марта мать попросила сына сходить в аптеку за лекарством, а он раз десять брал у нее деньги на таблетки и, в конце концов, двадцатого сентября притащил помятый полупустой блистер без коробки, то он заботливый, прекрасный, великолепный, умный, талантливый, самый лучший на свете сын. И точка!

Представьте теперь мою оторопь, когда некоторое время назад Зоя Игнатьевна привезла сына в Ложкино, высадила его, сама отошла подальше от него, воздела вверх правую руку, а левой указала на странно тихого Игоря и торжественно заявила:

– Сей человек более не является моим родственником. Он отлучен от дома. Лишен всех благ. Он отрезанный ломоть. Не желаю иметь с ним ничего общего! Все. Я его вам вернула. Делайте с этим субъектом что хотите! Он ваш!

Рухни в столовой потолок, я бы удивилась меньше. В конце концов, люстра у нас уже падала, ничего нового я не увижу. Но то, что Зоя изгнала обожаемого сына, просто невероятно. Разве можно лишиться небо солнца?

Указательный перст Зои переместился на Феликса, который, похоже, был ошарашен не меньше меня.

– Забирай его! Не желаю более видеть этого субъекта в своем доме! И помогать тебе содержать его не проси! Денег я не дам. Сам с ним возись. С меня хватит! Все. Прощайте!

Зоя Игнатьевна вонзила в меня свой взгляд.

– Никаких ваших просьб забрать к себе этого человека я слышать не хочу! Конец истории.

Игорь теперь живет у нас, чему все не рады, но выставить парня вон нам мешают порядочность и понимание того, что он бумеранг. Пошлешь такого подальше, а он мигом вернется к тебе с кучей неприятностей. Первое время Гарик вел себя тихо, потом освоился, почувствовал себя почти хозяином дома, и теперь мы не можем поговорить без его ушей и глаз. Вот и сейчас он вывесился из окна.

Лично меня неусыпный соглядатай стал нервировать. Но что делать-то? А сказать ему: «Перестань за нами шпионить». Ну, Дашенька, наберись окаянства и произнеси нужные слова.

Глава пятая

Я откашлялась, набрала в легкие воздух, открыла рот... И тут зазвонил телефон, пришлось ответить:

– Слушаю.

Усталый женский голос осведомился:

– Бню заказывали?

– Что? – не поняла я.

– Бня приехала. Стоит у въезда в поселок. Не пускают машину.

– Бня? – повторила я. – Какая Бня?

– Борзая, – не стала сердиться собеседница, – вы оформили...

– Бня борзая! – вспомнила я. – Не думала, что ее так быстро привезут.

– Можно и завтра доставить, – уныло пообещали из трубки.

– Что вы, не надо гонять туда-сюда курьера, – спохватилась я, – сейчас соединюсь с охраной.

– Мусик, ты куда? – спросила Маруся.

– Курьер привез Бню, – ответила я и позвонила дежурному: – Алло, впустите машину, она к нам.

– Что доставили? – уточнила Маша.

– Бню борзую, – пояснила я.

– Что это? – не поняла Манюня.

– Какая-то приправа, – ответила я. – Марина просила пакет купить.

– Не думала, что магазин согласится доставить такой пустяк, – изумилась Маруся. – О! А это кто?

Около наших ворот притормозила «Газель», из окна водителя высунулся парень.

– Вы Васильева? – заорал он.

– Да, – хором ответили мы с Машей.

– Ворота откройте.

– Зачем? – удивилась я. – Просто дайте пакет и скажите, сколько я вам должна.

– Дать пакет, – повторил шофер. – Распахнуть ворота не хотите?

– Открываем, конечно. Но зачем вам ради одной упаковки во двор въезжать? – удивилась, в свою очередь, Маша.

– Лады, – не стал спорить мужчина, – сами заберете. Мне по фигу. Хотел, как лучше. Но бабы всегда хотят, чтобы получилось так, как они хотят. Ну и на здоровье. Только заплатите сначала. Во! Можно карточкой.

Голова парня исчезла из окна, вместо нее появилась рука и помахала листом бумаги.

– Пойду к нему, – вздохнула Маша, – доставщики порой бывают капризными.

Манюня приблизилась к «Газели», взяла чек и обернулась.

– Мусик! Ты счет видела?

– Нет, – ответила я. – А что?

Маруся быстро вернулась ко мне.

– Смотри.

Я пробежала глазами по чеку.

– С ума сойти! Бня что, из золота сделана?

– Нет, мусик, – возразила Манюня, – оно дешевка. Скорее всего, тебе продали калифорний двести пятьдесят два.

– Впервые о таком слышу, – призналась я.

– Стоимость одного грамма этого металла более шести миллионов долларов, – отпартовала Маруся, – за год его производят всего тридцать-сорок микрограммов, поэтому и цена заоблачная. Получают его только в ядерных реакторах в России и США, с его помощью убивают злокачественные опухоли.

– Мы решили поиграть в «Кто станет миллионером»? – ехидно осведомился шофер. – Оплачивайте, забирайте товар, и все.

Я не знала, как поступить. Отказаться от заказа?

Водитель словно прочитал мои мысли.

– Если не возьмете товар, я оставлю его тут, уеду, а с вас по суду сумму стребуют! – заявил он.

– Мусик, Бня нужна Марине, – начала рассуждать Маша, – она попросила тебя купить эту приправу. Жена Дегтярева определенно знает цену товара, она ведет кулинарный блог в сети. У нее там больше миллиона подписчиков. Марина вернет тебе деньги. Она не позволит, чтобы ты платила за то, что нужно только ей.

– Верно, – обрадовалась я, – побегу за карточкой.

– Я возьму в своей машине кошелек, – остановила меня Манюня, – не ходи лишний раз.

И тут из дома раздались отчаянный плач Мафи, гневный лай Афины и Хуча, вой Черри и громкий крик ворона Гектора:

– Отстань от Мафи!

Я кинулась в дом и увидела помесь мопса и бигля в руках Гарика. Собака выглядела странно. Игорь держал заднюю половину Мафи, голова и грудь собаки исчезли.

– Игорь! – крикнула я. – Немедленно прекрати!

Он разжал руки.

Две лапы, часть живота, спины и хвост, жалобно плача, кинулись в кухню. Оттуда через секунду с воплем:

– Матерь Божья, Мафушу надкусил крокодил, – вылетела Нина.

Я, потеряв дар речи, молча застыла.

Гарик расхохотался.

– Нина, ау! Где в Ложкине крокодилы?

В комнату вошла Маша.

– Мусик, выйди во двор. Эй, что случилось? Почему у тебя такое лицо?

Я показала рукой на кухню.

– Там Мафи.

– Без головы и передних лап, – прошептала няня, – бегают и плачут.

Игорь хлопнул себя руками по бокам.

– Ищет свою башку и ноги. Ой, не могу!

Манюня кинулась в кухню, оттуда донесся ее голос:

– Мафуня, стой. Сейчас!

– Гадюк! – сказал Гектор, пролетая над головой Игоря.

– Угощу тебя сыром, – пообещала Маруся.

Я тоже пошла в кухню. Если Манюня хочет порадовать Мафуню кусочком эдама, значит, голова у пагля[3 - Пагль – порода собак. Выведена в США. Пагль – ? мопс + ? бигль – мопс по-английски риг, читается, как «паг» – от него первая часть названия, от бигля окончание «ль» паг + ль = пагль. Пагли очень забавные, веселые. Они бывают разные, в интернете есть много их фото.] на месте, иначе как собака сможет полакомиться?

Маша и Мафи стояли у холодильника. Я посмотрела на псинку и глубоко вздохнула.

– Она опять целая, – воскликнула Нина, которая тоже вернулась в кухню.

Няня бросилась к собаке, села на корточки и обняла Мафушу, приговаривая:

– Я увидела тебя без головы и чуть не умерла!

Маша подняла с пола что-то, похожее на комбинезон.

У членов нашей стаи есть одежда. Черри, Хуч и Мафуша утепляются в холодное время года. Вот Афина всегда носит без «пальто». Но наряд, который сейчас рассматривала Маруся, выглядел необычно. Он был бежево-розово-серого переливающегося цвета, а у капюшона закрыта лицевая часть. Видели когда-нибудь маски, которые натягивают на всю голову? Вот такая была у шмотки, которую вертела в руках Маруся.

Глава шестая

– Бред! – сделала вывод Маша и поспешила в столовую.

Мы с Ниной направились за ней.

– Что это за гадость? – не самым ласковым голосом осведомилась наша владелица ветеринарной клиники. – Игорь!

Гарик совершенно не боится меня и Феликса, и Дегтярева, и Юры. А уж про Нину вообще лучше промолчать, она для «подкидыша» вовсе не авторитет. Единственный член семьи, который способен внушить страх Гарику, – Маша. Александр Михайлович топает ногами, кричит, Феликс пытается вежливо объяснить своему дяде: «В данном случае ты не прав», Юрец спокойно говорит: «Игорь, ты дров наломал», я оседлаю метлу и летаю на ней по дому, Нина тихо плачет: «Гарик, зачем вы так поступили?» – но крики, слезы, увещевания, угрозы, метла-бомбардировщик – все это не приводит пакостника в трепет. А вот

Маша всегда вежлива, она не размахивает руками, не просит Игоря вести себя прилично, она просто смотрит на него, как домашний тапок на таракана, и произносит:

– Игорь!

Все! Гарик превращается в котенка.

– Да, Машенька, – ласково засюсюкал наш изобретатель, – ты держишь в руках комбезик для исчезновения. Его используют в цирке и в кино. Натягиваешь его на животное, и оно становится практически невидимым. Эффект «невидимки» возникает из-за особой ткани.

– Ага, – пробормотала Манюня. – А с какой целью ты пытался упаковать в него Мафушу?

Игорь скосил глаза к носу, и я поняла, что сейчас он начнет врать.

– Одна фирма дала его мне на апробацию, – завел Гарик, – они хотят наладить их массовое производство. Меня пригласили пиарить их товар. Я решил сделать видео, как Мафи в комбинеzone исчезла. Стал его натягивать, а собака-дура как заорет, как завоет!

Ворон Гектор, который во время разговора сидел на консоли, посмотрел на меня. Я глянула на птицу. Гектор чуть повернул голову и растопырил крылья. Я моргнула. Ворон поднялся в воздух, долетел до Гарика, завис прямо над его макушкой, потом с криком «Ковровая бомбардировка!» вылетел через открытую дверь террасы в сад.

– Уважаемый Игорь, на вас покакали, – тихим голосом сообщила Нина.

Я стояла с невозмутимым лицом. Хорошо знаю, что Гектор нечеловеческого ума птица. Да и птица ли он? Вполне вероятно, что ворон на самом деле алхимик, который по ошибке выпил какое-то зелье и теперь живет в теле пернатого. Гектор никогда не говорит невпопад, но способен прикинуться полным дураком. Он обладает чувством юмора, часто подшучивает над добродушной, но не очень умной Афиной. Вчера ворон бросил ей в миску резиновый банан и с

удовольствием наблюдал, как наша собакопони пыталась решить загадку: что лежит у нее в плошке? Выглядит как банан, но не банан! Что с ним делать? Наш ворон умнее некоторых людей. Но то, что с Гектором можно договориться с помощью взгляда, мне стало понятно только сейчас.

– Надо угостить Геку печеночной котлеткой, он их обожает, – улыбнулась Маша. – Мусик, выйди, во дворе тебя ждет нечто забавное.

Я побежала к двери, выскочила на улицу и воскликнула:

– Боже! Что это?

– Бня борзая, – засмеялась Маша, – красивый пакетик, размером больше, чем джип банкира Голованова. А он его на заказ делал, типа танк получился. Жена Петра Сергеевича в мою клинику с чихуахуа приезжала. Она псинку во внедорожнике потеряла, санитары ее полчаса искали. Собаку! Не Голованову.

– Привет, всем! – закричала Марина, идя по дорожке от гаража. – Что вы купили? О! Новый автомобиль? Снимите чехол, посмотреть хочу!

– О-о-о! – загудел Юра с балкона второго этажа. – У нас появился батут? Большой! Прямо супер. Уже бегу.

Из дома медленно вышел Дегтярев.

– Почему шумим? Дарья! Ты опять ерунду купила? Фигуру бегемота в натуральную величину для сада? Толпы пластиковых собак, зайцев и прочей ерунды на участке тебе мало?

Я набрала полную грудь воздуха.

– Никто из вас не угадал. Это Бня!

– Что? – хором спросили домочадцы, включая Марину.

– Странно, что ты удивляешься, – обратилась к ней Маша, – для тебя ее купили.

– Для меня? – попятилась Марина. – Зачем мне эта пня?

– Бня, – поправила я, – ты просила ее приобрести в супермаркете.

– Я? – изумилась Марина. – С какой целью?

Маруся пожала плечами, а я вынула телефон.

– Вот эсэмэска. «Марина просит купить пакет «Бни борзой». Нина мне ее прислала.

Супруга полковника повернулась к няне.

– Ты это отправила?

Нина вытащила из кармана свой мобильный.

– Вот твоя эсэмэска: «Ниночек, купи в супермаркете Банюню Морзую.

– Банюню Морзую это не Бню Борзую, – с самым серьезным видом заметил Дегтярев.

– Какая Банюня Морзая? Откуда взялась Бня Борзая? – негодовала наша кулинарка. – Всего-то мне требовался пакетик бананово-морошковой присыпки в виде звездочек. Маленький! Чтобы украсить бисквит, который я испекла.

– Ты сделала торт? – спросил Феликс.

Я обернулась и увидела мужа, который стоял за моей спиной.

– Да, – кивнула Марина, – теперь его нечем посыпать!

– Никогда не пробовал бананово-морошковые звездочки, но, думаю, они невкусные, – решил утешить Марину Юра.

– Небось гадость, – присоединилась к нему Нина.

– Марина, дай мне лучше кусок торта без украшений, – приказал полковник. – Помнишь, как я зуб о пластикового пингвина сломал?

– А зачем ты пытался ему голову откусить? – отбила атаку супруга.

– Думал, что он шоколадный, – признался полковник.

– И как бананово-морошковая ерунда превратилась в Бню Борзую? – протянул Маневин.

– Идиотский Т-девять! – взвилась Марина. – Я написала правильно, а телефон исправил на «Бонюню Морзую». Нечеловеческие слова в этом словаре!

– Так он и не человек, – хихикнула Манюня, – но старательный. Нина написала мусику: «Бонюню Морзую», а...

– Словарь переделал по-своему: Бню Борзую, – перебил ее Юра.

Феликс подошел к гигантской упаковке и начал ее изучать.

– Удивительно, что в магазине нашлась эта Бня, – только и сумела сказать я.

– Есть нюанс, – заметил Маневин, – смотрите, что написано вот тут сбоку.

– Прочитай вслух, – попросил Дегтярев.

– Надо видеть текст, – возразил мой профессор, – иначе вы не поймете.

Все столпились вокруг Феликса.

– Как написано название? – тоном лектора начал Маневин. – Заглавными буквами через точки. Б.Н.Я. БОРЗ. а/я 4 и рядом расшифровка. Боруконское новое ядило. Произведено на предприятии Боруконский оборонный ракетный завод. Абонентский ящик четыре.

Я на всякий случай спряталась за спину мужа.

– Бня Борзая не существует, – констатировала Марина, – это аббревиатура.

– Что такое «ядило»? – не понял Юра.

– Продолжаю читать, – провозгласил Феликс. – «Наш супермегаэлитный корм для птиц, белок и прочих обитателей российских лесов, рек и морей является инновационным продуктом, рассчитанным на всех представителей фауны. При наступлении экстремальной ситуации и при отсутствии провианта он может использоваться в войсках и для гражданского населения, включая детей младенческого возраста, в качестве сухого пайка».

Профессор оторвался от чтения.

– О как!

– Дальше, – скомандовала Маруся.

Глава седьмая

Феликс продолжил:

– «Наши специалисты создали провиант на основе русских народных блюд, опираясь на народный опыт русского народа. Название «Ядило» подчеркивает исконную русскость универсальной пищи. Яство – так наши предки называли еду. Для вашего удобства мы пакуем замечательную русскую народную пищу, которой со времен всемирного потопа крепостные русские крестьяне кормили своих верблюдов и ишаков, в пакеты малого веса. И еще приятная новость: наше ядило хранится бесконечно долго при любой температуре в любой климатической зоне. При покупке десяти малых или пяти больших упаковок нашего сверхполезного, наивкуснейшего ядила вы получите скидку в полпроцента. Если вам негде положить ядило, мы готовы взять его на хранение по цене двадцать процентов от стоимости заказа. Это очень выгодное для вас предложение. Приятного аппетита вашим домашним любимцам и лично вам!

Отведайте сами ядило, и вы откажетесь от черной икры! Желаем вам благоденствия, счастья и денег побольше».

Феликс посмотрел на нас.

– Все!

Маша прищурилась.

– Тут еще слоган: «Будешь есть ядило, победишь всех дурило». Как вам лозунг?

Домочадцы стояли молча, первым обрел дар речи Юра.

– Вопрос: хотим ли мы кормить собак и Гектора ядилом вечного хранения при любой температуре, учитывая, что его произвели на Боруковском оборонно-ракетном заводе? Сразу замечу: у этой еды есть большой плюс.

– Какой? – изумилась я.

– Гектор черный, его поздним вечером нельзя увидеть, приходится бегать по саду и кричать: «Лети домой». И собаки разбредаются непонятно куда. Их тоже сразу не найти. Когда все будут есть ядило, мы перестанем носиться по участку за нашими питомцами, – пояснил Юрец.

– Почему? – спросила Маша.

– Потому что все, кто отведаст ядило, будут издавать в темноте приятное голубовато-зеленое свечение, – серьезно ответил ее муж, потом не выдержал и расхохотался.

– Эту дрянь надо убрать с участка, – велел полковник.

– На мой взгляд, ядило нужно отвезти в могильник ядерных отходов, – высказалась Марина.

– Отличная идея, – кивнул Феликс, – но, полагаю, все не так страшно. Известие о том, что еду приготовили на ракетном заводе, меня не порадовало. Но, думаю, ее производят не из комплектующих оружия. Это дорого.

– Они перемалывают в пюре боеголовки, которые сошли со срока годности, – заявила Марина.

Нина попятилась.

– Ой, ой!

– Совещание состоится? – крикнул Кузя, который стоял у гостевого домика.

– Иди сюда, – велел ему Сеня, – мы сейчас все вместе вытолкнем упаковку за ворота на улицу. Освободим сад. Юра, Феликс, Кузя, Александр Михайлович, Гарик... Гарик... А где он?

– Едва речь заходит о том, чтобы поработать руками, как Игорь исчезает, – заметила Марина, – я сильная, от меня будет больше пользы, чем от дохляка-бездельника.

Мы с Ниной тоже приблизились к здоровенной упаковке.

– Мышей не звали, – засмеялся Сеня, – без вас справимся.

Я отошла в сторону, вынула мобильный и позвонила коменданту. Услышав, что за нашими воротами лежит крупногабаритный мусор, он живо отреагировал:

– Вывезем. Счет за услугу я включу в коммунальные расходы.

– Ладно, – пробормотала я.

Ну, Дашенька, ты рачительная хозяйка. Сначала купила за хорошие деньги Бню Борзую, оплатила ее доставку, а теперь заплатишь за то, чтобы твое приобретение отволокли на свалку. Похоже, я могу зарабатывать деньги, ведя семинар на тему «Как рационально использовать семейный бюджет».

Примерно через час, выпихнув упаковку Бни за ворота, мы наконец-то собрались в офисе. И наш повелитель компьютеров начал.

– Бузурукинская Ксения Федоровна номер один. Девочка из приюта. О родителях ничего неизвестно. Отличалась скверным характером: драки, причинение ущерба другим детям. Ломала игрушки, била не только своих одноклассников, но и старших ребят. Отличалась особой жестокостью, мстительностью. Но в подростковом возрасте резко изменилась, ушла в себя, рыдала безо всякого на то повода. В пятнадцать лет Ксению перевели в психиатрическую лечебницу. Поводом послужила ссора с другой воспитанницей – Головановой Надеждой. Та прилюдно посмеялась над Ксюшей, обозвала ее идиоткой, потому что Бузурукинская никак не могла научиться хорошо читать.

– В пятнадцать лет? – удивилась я.

– Похоже, у подростка было отставание в развитии, – заметил Сеня.

– Ксения долго плакала, – продолжал Кузя, – ночью она тайком проникла на чердак детдома и прыгнула оттуда, пытаясь покончить с собой. Приют располагался в одноэтажном здании, да еще девочка свалилась в песочницу. Ее отправили на экспертизу, признали больной, поместили в лечебницу, потом в интернат. Там Ксения провела остаток жизни.

Кузя оторвался от ноутбука.

– Дело-то давнее. О Ксении сохранилось не так много информации, она появилась на свет в тысяча девятьсот тридцать втором. О ее родителях никаких сведений нет. В интернат ее поместили в конце сороковых, а в начале шестидесятых она умерла.

– Просто чудо, что хоть какие-то бумаги обнаружились, – удивился полковник. – Где ты их нашел?

Кузя постучал себя кулаком по лбу.

– Мозг! О Бузурукинской я добыл лишь общую инфу. Появилась на свет – больница-интернат – умерла – прописалась в Москве вместе с двухлетней

дочкой – опять умерла в преклонном возрасте. Но у меня было немного времени на поиски.

Сеня вынул из шкафчика пачку печенья и направился к кофемашине.

– Забавно звучит: дважды умершая.

– Такое случается чаще, чем кажется, – заметил полковник, – в пятидесятые и даже шестидесятые-семидесятые годы прошлого века из-за войны царила неразбериха. Например, раненого солдата Петрова увозили с поля боя в госпиталь. А там уже лежал один Петров, он умирал, и семье его однофамильца отправляли похоронку. То-то радости было у домашних, когда муж и отец живехонек возвращался домой, но солдату приходилось потом долго объяснять в разных инстанциях, что он не умер, перепутали документы в госпитале.

– И не все домой спешили, – перебил его Кузя, – кое-кто во время войны находил новую любовь и не хотел иметь дела с прежней родней. Документы такие люди восстанавливали, после победы женились, выходили замуж, рожали детей, а в первой семье, которая похоронку получила, их считали героически погибшими. Есть книга, она так и называется: «Вторая жизнь», ее автор Игорь Аристов рассказал о «дважды рожденных», он описал судьбы четырех человек, которые умерли в интернате «Юрасово». Я нашел упоминание о Ксении Федоровне в его произведении.

– Как ты узнал об этой книге? – поразился Сеня.

Кузя потянулся.

– Когда я ничего не нашел, решил проверить, вдруг о Бузурукинской кто-то что-то писал: газета, журнал. Сомнительно, конечно, но надо использовать все возможности. Разыскивай я, к примеру, Кузнецову, то и пробовать не стоило, утонул бы в море сведений. А у Ксении фамилия очень редкая. И выпал мне сайт некого Аристова, там его книга для чтения выставлена. Заплатил я немного, нашел краткую биографию интересующего меня лица. Дашуля, он тебя ждет, прямо сейчас отправляйся.

– Аристов? – уточнила я.

– Да, – кивнул командующий нашими компьютерами, – но не Игорь, а Михаил Петрович. Автор книги умер, а его брат жив, он профессор. Тоже пишет, но только научные трактаты, учебники, преподает в вузе. Я решил, что Дегтярев тебя непременно к нему отправит, вот и подсуетился.

Александр Михайлович сердито засопел, он терпеть не может, когда кто-то угадывает ход его мыслей, и всегда говорит: «Я вовсе не это имел в виду».

Но сейчас толстяк никак не мог произнести эту фразу, поэтому он просто нахмурился и кивнул.

– Вышли адрес на Вотсап, – попросила я Кузю и пошла в гараж.

Глава восьмая

Михаил Петрович галантно предложил мне чай, кофе, воду, потом усадил в своем кабинете в кресло и спросил:

– Почему вас заинтересовала книга Игоря?

– Там упомянута Бузурукинская Ксения Федоровна, она связана с делом, над которым мы сейчас работаем, – объяснила я, – но сведений о ней мало.

– Понятно, – протянул ученый. – Видите ли... м-да... я попытаюсь объяснить... Игорь мне не родной брат, он сын сестры моей матери и старше меня. Маменька моя после смерти сестры забрала мальчика к себе. Не сочтите за хвастовство, но я и он, как черное и белое. Игорь кое-как учился, еле-еле поступил в пятисортный вуз, потом всю жизнь работал в архиве. Там мало платили. А я золотой медалист, за моими плечами МГУ, я доктор наук, профессор, автор многих книг. Игорь иногда приезжал ко мне, просил денег. Потом вдруг привез брошюру, которую составил на основе изучения документов интерната в Юрасове. Душенька, я бы не доверял сведениям, которые опубликованы в сем произведении. Игорь накропал полную нелепицу! Соврал про приют! Вы читали его опус?

– Да, – храбро солгала я.

Ученый поморщился.

– Я весьма расстроился, когда изучил сей «труд». Почти ни слова правды. Интернат в Юрасове не принимал буйных или совсем неадекватных людей, там жил контингент э... э... с небольшими сдвигами. Режим не самый строгий, пациентов мало. Заведение юридически относилось к Москве, но располагалось в области, в здании бывшей летней резиденции посла одной из европейских стран. Большевики ее отобрали. Первое время там работал санаторий для членов партии, которые пострадали в гражданской войне. Затем открыли детский кардиологический центр, где реабилитировали школьников с проблемами сердечно-сосудистой системы, в конце концов, превратили его в дом призрения лиц, которым необходима постоянная забота. Заведение почти деревенское, охраны особой нет. Ну да, есть забор, но в нем простая калитка со щеколдой. При желании оттуда легко можно было уйти.

– Вот те на! – удивилась я. – Хороши порядки. А если кто-то убежит?

– Душенька, туда попадали совершенно одинокие люди, – продолжал объяснять профессор, – они были не сумасшедшие, но жить самостоятельно не могли, часто по интеллекту были как дети. Ну, например, сорокалетний мужчина с синдромом Дауна. Его любила мать, холила, лелеяла. Сын писал картины, был талантливым художником. И куда его деть после смерти родительницы? Милый, добрый человек, но даже хлеба сам себе не купит. Или женщина лет тридцати пяти с ранней стадией деменции. Замечательная, улыбчивая, постоянно с одной и той же книгой сказок в руках. Прочтет про Красную Шапочку, спать ляжет. Утром встанет – забыла, что вчера читала, и заново сказке радуется. Тихая, родни у нее нет. Куда ей бежать? Зачем? В интернате семейная обстановка была. Никого из подопечных в Москву не тянуло. Да и забыла основная часть из них про столицу. Для человека с такими проблемами мир часто ограничивается местом его пребывания, смена обстановки – огромный стресс.

– Вы так рассказываете, словно хорошо приют в Юрасове знаете, – улыбнулась я.

– Правильно, душенька, – согласился Аристов, – я в тех краях детство провел. Маменька моя в интернате поварихой служила. Отца своего я никогда не видел. Матушка мне в мои лет восемь сообщила страшную тайну, что ее муж служил

разведчиком и пал от рук врагов. Я ей поверил. Мне в интернате нравилось, меня там любили, вкусно кормили. Игорь туда тоже частенько наезжал.

– Может, вы Бузурукинскую помните? – насторожилась я.

– Нет, – разочаровал меня профессор, – начисто забыл тамошних обитателей. Вот местная библиотека перед глазами стоит, там имелось много книг, они замечательно пахли. Тома старинные, сейчас бы букинисты им обрадовались. Постояльцы изданиями не интересовались. В комнате часто сидели двое: я и баба Наташа. Я пребывал в восторге от полки с энциклопедиями, иллюстрированными справочниками. Птицы. Млекопитающие. Змеи. Все книги с прекрасными рисунками. А баба Наташа переносила на кальку выкройки. Она шила на дому. Смешно называть Наталью Ивановну бабушкой, в те годы она была совсем молодой девушкой. Но из-за близорукости Королева носила очки. В моей детской голове жила уверенность: если у человека на носу очки, то он дряхлый старик. Наталья в то время – студентка медвуза, потом работала в интернате врачом, стала заведующей. Когда я, прочитав глупую книгу Игоря, понял, что речь в ней идет о пациентах интерната, где прошло мое детство, то очень расстроился. Что за глупость он сочинил? Я поехал на свою малую родину, не зная, кто там парадом командует. Удивился безмерно, когда увидел «бабу Наташу», сразу ее узнал. Она выглядела моей одногодкой, но этого же не могло быть, поэтому я решил, что женщина – дочь Наташи.

Аристов рассмеялся.

– Я спросил у нее: «Ваша матушка как поживает?» И открылась правда. Разница в возрасте у нас с ней всего девять лет. Я раскабанел, поседел, а Наташа сохранила фигуру, с помощью всяких женских хитростей выглядела значительно моложе своих лет.

Профессор говорил медленно, четко выговаривая каждое слово, делал паузы. Так ведут себя лекторы. Но мне, бывшей преподавательнице французского языка в третьесортном московском институте, захотелось его поторопить. Честное слово, мне неинтересно, как молодо выглядит сейчас госпожа Королева. Если одна подопечная интерната умерла и воскресла в образе другого человека, то лучше сосредоточиться на ее истории.

Я не удержалась и перебила Аристова.

– И что она вам сказала про Бузурукинскую?

– Про нее ничего, – ответил Аристов, – мы беседовали о книге Игоря. Он там ерунды понаписал, целый криминальный роман наваял. Наталья не сдержалась, выпалила: «Бред просто». Минуточку.

Аристов встал с кресла, открыл секретер, добыл оттуда толстую записную книжку и пробормотал:

– Я все собирался написать рецензию на опус Игоря. Он планировал выпустить его в двух томах. В первом завязка истории, так сказать, замануха для читателей: в интернате лишали людей жизни. Вторую часть он не успел написать, скончался. Игорь обвинил руководство в убийстве пациентов. Я собрал материал для опровержения. Но не опубликовал его.

Глава девятая

Профессор надел очки.

– В пасквиле Игоря упомянуты Валентин Петрович Коркин, Анна Игоревна Абакумова, Григорий Юрьевич Лебедев, Ксения Федоровна Бузурукинская.

– Они жили в интернате? – уточнила я.

– Верно, душенька, – кивнул Аристов, – все в разное время ушли из жизни, но по естественным причинам: инфаркт, инсульт. Ничего вроде пищевого отравления или «упал в ванной, шею сломал». Ни малейшего намека на криминал, никакого: «Съел несвежую сосиску и скончался»! Бедняги болели, они не раз попадали в местную больничку, потом умирали.

Михаил Петрович закрыл талмуд.

– Душенька, поймите меня правильно, я не принадлежу к категории людей, которые, не зная истины, делают далеко идущие выводы, поднимают лай в интернете: «У нас отвратительная медицина, российские лекарства ничего не

лечат, вот в Америке все врачи прекрасные, они там одной таблеткой с раком любого органа справятся».

Аристов поморщился.

– Врачи везде разные, в каждой стране есть и плохие, и хорошие. Медикаменты тоже неодинаковы, везде попадаются «пустышки». Это я так долго собираюсь вам сказать, что больничка в те далекие времена в Юрасове была маленькая. Три или четыре врача, хирурга не было. Если требовалось оперативное вмешательство, пациента везли в Москву, благо она близко. А от инфарктов-инсультов в пятидесятые годы двадцатого века погибала большая часть больных. Массовых операций по удалению тромбов еще не делали, шунтирования, стентирования тоже. Статины и бета-блокаторы не изобрели, «умных» таблеток от гипертонии не было. Губил пациентов и постельный режим. Сейчас после инфаркта на второй день ставят на ноги, начинают ЛФК, а в середине двадцатого века человек лежал в кровати два, а то и три месяца. В результате пневмония и уютное место на погосте. Понимаете, душенька?

Я кивнула.

– Несчастные подопечные интерната умирали в местной больнице. А где их хоронили?

– Понятия не имею, – пожал плечами профессор.

Я встала.

– Огромное спасибо за помощь, поеду в приют.

– Хотите побеседовать с Натальей Ивановной? – уточнил Аристов.

– Верно, – подтвердила я.

– Душенька, – с легкой укоризной произнес профессор, – только зря скатаетесь. Игорь... э... уж простите, скажу честно, врун! Он хотел получать много денег, но не работать. Мама моя пыталась его образумить. Куда там! Братец всегда получал три копейки. В свое время я предложил ему работу у моих друзей.

Оклад во много раз выше, чем он имел в архиве. Лентяй сначала загорелся, а когда узнал, что пахать предстоит с девяти утра до девяти вечера, обедать на ходу, заканючил: «Ну нет, пусть будет небольшая зарплата, но останется время на отдых». Опус свой он выпустил в то время, когда тема врачей-убийц активно муссировалась в прессе. Такую чушь писали газеты! Бездомного убили и вырезали у него печень для пересадки. Господи! Донорский орган подбирается с учетом многих параметров, проводят массу анализов, определяя, кому печень может подойти. И, уж простите, кому нужен орган алкоголика, наркомана, сифилитика? Просто слов нет. Игорь решил на этой волне в мутной воде рыбку поймать. Вот и состряпал сей пасквиль. Поверьте, никакой правды, кроме фамилий, в нем нет. И о Бузурукинской вы ничего в Юрасове не узнаете. Понятия не имею, как там сейчас идут дела. Возможно, Наталья по-прежнему приютом заведует.

Я сказала:

– Все же я съезжу в Юрасово.

Михаил Петрович поднялся.

– Душенька, не хочется вас отпускать одну, я давно хотел снова побывать в тех местах. Давайте я познакомлю вас с Натальей. Чем черт не шутит, вдруг она помнит Бузурукинскую? Вам она ничего не сообщит, а если меня увидит, то разговорится.

Я смутилась.

– Не хочется отвлекать вас от работы.

Аристов засмеялся.

– Душенька, я уже целую неделю не могу выжать из себя ни строчки связного текста. Творческий кризис. Среди моих знакомых есть писатель Плешаков. Он не очень известен, но у него есть своя аудитория. Когда у Плешакова стопорится рукопись, он начинает злиться, но трудно ведь ругать себя. Поэтому Александр налетает на жену за какую-нибудь, по его мнению, провинность: «Не смотри на меня так!» – кричит он на бедную Лидочку. Супруга у него терпеливая, но Саша знает, как довести ее до нужного состояния. В конце концов жена возмущается:

– Перестань кричать.

– Это ты виновата! – орет Александр. – Довела меня!

Найдя того, кто виновен в том, что ему не пишется, Саша хлопает дверью и убегает из дома. Все! Он получил статус супруга, которого глупая вздорная вторая половина довела до состояния ненаписания очередного шедевра, и сейчас он со спокойной совестью имеет право гулять на свежем воздухе. Его обидели, он страдает. Нет, он не лентяй, который вскочил из-за стола, не нацарапав ни строчки. Он жертва хамки-жены. Но у меня нет Лидочки, покорной, терпеливой, все прощающей дурно воспитанному мужу. Поэтому я должен честно признать: «Лень-матушка гонит меня из дома». Уж не отказывайте мне в услуге, разрешите изобразить доброго человека, который ради вас жертвует рабочим днем, готов сопроводить вас в места своего беззаботного детства.

Я подняла руку.

– Туше?, как говорят фехтовальщики. Я ощутила укол и укор совести. Буду очень благодарна, если вы познакомите меня с Натальей Ивановной. Только у меня маленькая машина, а...

Я умолкла.

– ...медведь моего размера туда не поместится, – договорил за меня Аристов, – отправлюсь на своей колыхаге.

– Вы совсем не похожи на Топтыгина, – смутилась я.

– Согласен, больше на носорога, – развеселился Михаил, – и вы ни словом не обмолвились о косолапом. Отлично знаю, что я вовсе не стройный юноша. Перед вами толстый парниша, вроде так говаривала Эллочка-людоедка из романа Ильфа и Петрова. Поеду впереди, а вы за мной. Дорога займет примерно час. Не устанете?

Заверив заботливого профессора, что моей выносливости позавидует любой верблюд из тех, кто неумоимо пересекает пустыню Сахару, я села за руль.

По дороге мне не удалось отправить Сене сообщение о том, куда я поехала, на шоссе не было мобильной связи.

Минут через сорок дорогой джип профессора свернул на узкую проселочную колею и резво покотил вперед. Я же продвигалась с трудом, мой «Мини Купер» был не приспособлен для подобных приключений. Но в конце концов наша кавалькада выкатилась на простор. Слева виднелся покосившийся решетчатый забор, за ним одноэтажное здание, типичная усадебная постройка конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Джип замер, Аристов вылез и помахал рукой, я открыла дверцу.

– Приехали? Дальше пешком?

– Проселок, надеюсь, приведет нас прямо в Юрасово, – с некоторым сомнением произнес Михаил, – в прошлый раз я добрался по этому, с позволения сказать, шоссе до дома Наташи.

– Давно вы ее посещали? – поинтересовалась я.

– Точно не скажу, – задумчиво протянул мой спутник, – книга Игоря вышла... э... лет десять назад, тогда я сюда в последний раз приезжал. Время неостановимо. Увы. Вы утомились?

Я подумала, что профессор уже немолод, вероятно, он выбился из сил, хочет отдохнуть, но не желает признаваться, что ему требуется передышка, и кивнула.

– Давайте немного здесь постоим!

Михаил Петрович подошел к калитке и открыл ее.

– Оказывается, приют не работает.

– А вы не знали? – удивилась я.

Аристов покачал головой.

– Когда я приезжал сюда для беседы с директором, в интернате жили люди. С Натальей Ивановной мы обменялись телефонами, но не созванивались. Я заверил ее, что, если у нее возникнет желание подать на Игоря в суд, я ее поддержу, и уехал, на этом наше общение завершилось. Интересно, библиотеку они увезли?

– Вы говорили, что там было много редких изданий, – напомнила я, – значит, их забрали на хранение.

Аристов грустно улыбнулся.

– Хорошо, если так, но я по своему опыту знаю, что часто бывает иначе. Неудобно хвастаться, но я обладаю уникальным собранием разных изданий. Основа его заложена в советские годы. Студент Миша, книголюб и книгочей, по ночам лазил по домам, которые выселили под снос. Люди забирали в новые квартиры мебель, ковры, кухонную утварь. А книги, в особенности старые, написанные плохо понятным языком, часто бросали. Я теперь обладаю старинной Библией с рисунками Доре, Евангелием, которое выпустили в год рождения Пушкина. Когда вернусь домой, покажу вам свои сокровища. Вы очень торопитесь?

– Нет, – улыбнулась я, – давайте посмотрим на местную библиотеку.

– Как мило с вашей стороны пойти на поводу у моего мшелоимства, – обрадовался Аристов и пошел ко входу в особняк.

– Категорически не согласна, – в тон ему ответила я, – мшелоимством наши предки называли собирательство ненужных предметов, болезненное вещелюбие. А вы охотник за книгами. Это другое.

– Душенька! – восхитился профессор. – Вам знакомо заковыристое слово?

– У меня высшее филологическое образование, – похвасталась я, – и мне повезло с преподавателями. «Мшелоимство» попало мне в каком-то тексте. Я не поняла, при чем тут ловля мышей, о чем и сообщила педагогу. Тот объяснил, что в данном случае речь идет не о грызунах.

Продолжая разговор, мы вошли в дом и очутились в полукруглом холле. Профессор толкнул одну из дверей.

– Нам сюда, книги хранились здесь. О! На полках-то много чего!

Мне стало грустно.

– К сожалению, вы оказались правы! Мебели нет, а издания на месте.

Профессор взял с полки один том.

– Да уж! Возьму кое-что. Душенька, у вас в доме есть дети? Маленькие?

– Дунечка, – ответила я, – но она пока не умеет читать.

– У камина стояли изумительные издания сказок, гляньте, – посоветовал Аристов, – только идите осторожно, вдруг половица сломается. Или запнетесь обо что, раньше здесь ковер лежал, наверное, сейчас он в чьей-то квартире красуется.

Я пошла в сторону камина, и вдруг пол исчез, я рухнула вниз, в кромешную тьму.

Глава десятая

Крепкий сон прервал чей-то вопль:

– Душенька, душенька!

Я открыла глаза, поняла, что в спальне нет света, на дворе ночь, вытянула руку, чтобы включить лампу на прикроватной тумбочке. Но вместо привычной деревянной поверхности пальцы нащупали... пустоту. Я изумилась, попыталась сесть и охнула.

– Душенька! – закричал сверху мужской голос. – Душенька, вы живы?

Я подняла голову, увидела ровный квадрат света и ответила:

– Вроде да!

– Слава богу! – заликовал баритон. – Можете пошевелить ногами-руками?

Я попыталась.

– Да.

– Ура! Позвоночник цел! – радостно констатировали сверху. – А глубоко вдохнуть получится? Только не резко! Осторожно, плавно. Если почувствуете хоть малейший дискомфорт, не продолжайте вдох, очень аккуратно выдыхайте.

– Дышу нормально, – отрапортовала я.

– Боже! У вас невероятно сильный ангел-хранитель. Ребра целы.

Я оперлась рукой о пол и снова ойкнула. В ту же секунду вернулась память.

– Что, что, что? – опять испугался Аристов.

– Я захотела приподняться...

– О-о-о! Нет! – ахнул профессор. – Вас парализовало?!

– Оперлась на пол ладонью и укололась о битый кирпич, – договорила я.

– Фу! Как вы меня испугали, – признался Михаил Петрович. – Значит, совсем не ранены?

– Вроде нет, – ответила я, – колени болят, но они не сломаны, я стою. Вы знаете, что со мной случилось?

– Пол старый, гнилой, доски провалились, когда вы наступили на них, – на одном дыхании выпалил мой спутник.

– Пожалуйста, вытащите меня отсюда, – заныла я.

– Я думаю, как решить эту задачу, – ответил Михаил Петрович.

– Надо съездить к Наталье Ивановне, попросить у нее лестницу, – предложила я.

– Совсем из ума выжил! – расстроился профессор. – Следовало самому догадаться. Ах, я старая калоша! Но мне придется отправиться в поселок!

– Конечно, – согласилась я.

– Вы останетесь одна.

– Понимаю.

– Пока я до места доеду, Наталью найду, она лестницу отыщет, потом назад... Час как минимум потребуется.

– Хорошо, – не стала спорить я.

– Придется вам здесь потерпеть в одиночестве, – сказал профессор.

– Так альтернативы нет, – вздохнула я.

– Вам не страшно?

– Нет, – соврала я, – думаю, людоеды в здешних местах не водятся.

– Душенька, кабы не мой возраст, сразу предложил бы вам руку и сердце, – прокрихтел профессор, – у вас необыкновенный характер. Я за помощью. Очень надеюсь, что там, где вы оказались, нет мышей.

– Я не боюсь грызунов, – заверила я, – у нас дома кто только ни жил, даже удав.

– Невероятная Дашенька, – в очередной раз восхитился Аристов, – спешу изо всех сил! Жаль фонаря нет!

С этими словами голова ученого исчезла, наступила тишина.

Я постояла некоторое время, потом осторожно села на пол. Да, жаль, что нет фонарика. Погодите! А телефон?

Я засунула руку в задний карман джинсов и нащупала айфон. И чуть не зарыдала от радости. Дашутка, какая ты умница! По дороге полностью зарядила мобильный, кроме того, на трубке чехол со вторым аккумулятором! Да будет свет! Я постучала по экрану пальцем, и в темноте появилось голубое свечение. Через пару секунд вспыхнул фонарик.

– Ура! – завопила я. – Может, и связь есть?

Но зряшная надежда! Подключение к сети отсутствовало.

– Не следует требовать от судьбы слишком много подарков, – пробормотала я, рассматривая помещение, – дали тебе одну конфету, радуйся, не проси целую коробку. И куда я угодила?

Я огляделась по сторонам. Увидела старую железную кровать с одеялом, подушками и, наверное, ватным матрасом, тумбочку и шкаф. Под землей жили больные? Их держали без света? Или это карцер? Зачем оборудовать в подвале спальные места, если там никто не живет? Держать в таких условиях даже не очень сообразительных людей нельзя. Вероятно, я нахожусь в местной тюрьме, сюда помещали тех, кто нарушал режим. Правда, Аристов говорил, что в интернате царила хорошая семейная обстановка. Но он вспоминал, как обстояли дела во времена его детства. Потом климат в учреждении мог здорово измениться. К чему столь пространные рассуждения? А к тому, что вряд ли пациентов сбрасывали вниз, ломая пол в библиотеке. Да, я попала в карцер подобным образом, но полагаю, что нарушителей порядка сюда приводили. Понимаете? Приводили. Значит, здесь есть дверь, а за ней с большой долей вероятности скрывается лестница на первый этаж. Давай, Дашутка, хватит топтаться на одном месте, ищи выход.

Я начала обводить лучом света помещение. Окон нет. На потолке... Задав голову, я почему-то ощутила беспокойство. Но разбираться в собственных ощущениях времени не было. И вообще крайне глупо думать, что дверь-выход около люстры.

Я обозрела кровать, подошла к ней, пощупала одеяло, подушку. Затем изучила тумбочку, открыла дверцу и расстроилась. Ничего. Обычно герои приключенческих романов и моих любимых компьютерных игр, попав в наглухо закрытое помещение, находят там разные спрятанные предметы, которые помогают им выбраться на свободу. Плохое настроение улетучилось. Чаще всего отмычки, веревка, складные лесенки лежат под матрасом. Я откинула одеяло, потом подстилку. Ничего!

Я вздохнула, еще раз осмотрела стены, не обнаружила никаких признаков двери, подошла к шкафу, распахнула створку и не удержалась от радостного вопля:

– Свобода!

Задней стенки у гардероба не имелось, вместо нее зияло квадратное отверстие в стене. Я посветила в него фонариком, увидела коридор и пошла по нему.

Путь привел меня в большую комнату, в ней под потолком были два узких длинных окна, через которые проникал свет. Я заликовала, выключила фонарик и огляделась.

Глава одиннадцатая

Здесь не было кровати, зато громоздился большой письменный стол, стояли два железных стула, шкаф со стеклянными дверцами, кушетка, какие ставят в кабинетах врачей, и... дверь!!!

Я бросилась к железной створке и стала дергать ее за ручку. Заперто! И нет замочной скважины. Вполне вероятно, что с наружной стороны задвинута щеколда. Деревянный засов можно было бы попытаться сломать, начать лупить

дверь ногой, стулом. Но что делать с преградой, около которой я сейчас стою? Она-то стальная.

Слезы подступили к глазам, но я решила не опускать лапки. Если вы ткнулись носом в запертую дверь, то, вероятно, где-то есть форточка. Я подняла голову. А в моем случае их две! И это почти окна, правда, очень узкие. Ну и что? Предполагаемые выходы на свободу нешироки, но я вешу сорок пять килограммов, как-нибудь пропихнусь. Вот только они под самым потолком. Подумаешь, это не проблема. Стол, стул, на него еще один стул, и я у цели. Хотя... Пирамида из мебели может развалиться, и я свалюсь! Кроме того, вполне вероятно, что я не протиснусь в окошко. Но, если не откусишь от котлетки, то не узнаешь, вкусная она или гадкая. Нечего размышлять о неудаче! Проверим идею эмпирическим путем. Если я упаду, значит, упаду. Если застряну, то застряну. А вдруг все получится? В любом деле процент успеха и провала пятьдесят на пятьдесят. Вперед и с песней!

Я уперлась в стол руками и завела:

– Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает.

Стол медленно пополз вправо, и в конце концов очутился в нужном месте.

– Ага! – завопила я и вытерла лицо грязной ладонью. – Враг побежден!

Водрузить на столешницу стул, а на него второй оказалось плевым делом. Сопя от напряжения, я влезла на пирамиду и пришла в восторг. Высоты сооружения хватает, подтягиваться на руках не придется. Это прекрасно, потому что я со своими слабыми мышцами не способна подтянуться. Оценив ширину оконца, я спустилась на стол и сняла джинсы. Лишние сантиметры объема не нужны.

Нахваливая себя за ум и сообразительность, я с ловкостью старой осторожной обезьянки снова вскарабкалась на вершину импровизированной лестницы, и тут мне в голову пришла еще одна мысль.

Сегодня утром, одеваясь после душа, я хотела взять из стопки чистые трикотажные боксеры самого простого вида, но потом почему-то передумала и вытащила иной вариант. Похоже, у меня хорошо развита интуиция, она ненавязчиво подсказала мне: еще до вечера ты попадешь в непростую

ситуацию, вспомни, что тебе говорила бабуля, когда ты маленькая собиралась идти во двор играть с подружками? Афанасия Константиновна всегда напоминала:

– Девочка, решив выйти на улицу, должна надеть красивое белье! Платье может быть копеечной цены, а трусики нет. Вдруг тебе во дворе плохо станет, вызовут врача, отвезут в больницу, там раздеться придется, и что все увидят? Застиранные, дырявые плавочки. Стыд-то какой!

Можно поспорить с методом, с помощью которого баба Фася воспитывала во мне аккуратность. Но в моем случае он сработал. Белье у меня всегда новое, идеально чистое. И вот надо же! Настал момент, о котором твердила бабуля. Правда, меня не везут в больницу, но я сейчас вылезу на свет божий в одних трусиках. А они хороши до умопомрачения. Бежевые боксеры, на которых вышиты кошечки. У каждой на шее бантик, они все разноцветные, а на поясе-резинке изображения собачек. Эту красоту я нашла в интернете, правда, там указывалось, что белье детское. Но меня это не смутило. Не только школьницы любят подобное, мне тоже нравится. Радостно улыбаясь, я уже хотела начать операцию под названием «Побег из подвала», как в голове, в который уж раз, появилась гениальная мысль. Дашута, ты выберешься в одних нижних кюлотах. Спору нет, они хороши до невозможности, но удобно ли предстать в подобном виде перед Михаилом Петровичем и Натальей Ивановной?

Я вздохнула, опять слезла на стол, схватила брошенные там джинсы, повесила их на шею, вскарабкалась наверх, выкинула брюки наружу, начала пропихивать голову в оконце и сумела ее высунуть. Ура! Свобода близко.

Я стала вылезать наружу и случайно толкнула ногой стул, он с грохотом свалился на пол.

– Обратной дороги нет, – прокряхтела я, – только вперед. С песней!

Продвигаясь по миллиметру наружу, я сумела выползти до талии и заликовала. Осталось протащить «нижний этаж». Слава богу, Господь не наградил меня большой попой. И вообще, если голова пролезла, то все остальное непременно пройдет. Эти слова бабушки Фаси я тоже отлично помнила с младых ногтей. До сих пор это правило меня не подводило. А сейчас не сработало, на уровне пупка движение застыло, некоторое время я пыталась пройти «мертвую точку»,

потом устала, замерла и сказала себе:

– В любом положении следует искать нечто хорошее. Сейчас я дышу свежим воздухом, светит солнце, поют птицы, прекрасный день. Скоро появятся Михаил Петрович, Наталья Ивановна, они меня выдернут. И...

Я увидела джинсы, в голове мигом родился очередной план.

– Господи, сделай так, чтобы у меня сейчас руки оказались длиннее хобота слона, – прошептала я и сумела схватить штаны.

Извлечь из кармана мобильный оказалось совсем легко. И что удивительно: здесь работала связь!

Я потыкала пальцем в экран.

– Привет, – сказал Кузя. – Как дела?

– Отлично, – ответила я, – есть маленькая проблемка.

– Говори, – велел парень.

Я вкратце описала ситуацию.

– Ну ваще! – заорал повелитель компьютеров. – Такое только с тобой могло случиться.

– Вовсе нет, – возразила я, – полковник, когда удирал из клиники, куда его поместили для потери веса, застрял между прутьями забора. Правда, мы его с Мариной живо выдернули. Но я тут одна. Профессор ушел за лестницей и пока не вернулся. Придумай что-нибудь.

– Вижу, где ты, – заявил Кузя.

– Да? – изумилась я. – Надеюсь, я выгляжу симпатично!

– Твою физиомордию не наблюдаю, – процедил Кузя, – я геолокацию определил. Так, Юрасово, пять минут, но там ничего нет. Буркино, девять минут. Жди.

– Чего? – спросила я.

– Сейчас приедут, вытащат тебя, – пообещал лучший друг.

– Кто? – не успокаивалась я.

– Жди! – повторил Кузя. – О! Они не в Буркине, а прямо рядом.

Я положила телефон на джинсы, сделала пару неудачных попыток вылезти, услышала вой сирены и поняла: кто-то мчится меня спасать.

Глава двенадцатая

Из машины с надписью «Полиция» вышли мужчина и женщина.

– И где она? – громко спросила дама.

– А фиг ее знает, Настюха, – пробасил мужчина.

– Здесь! – закричала я.

– Где? – завертел головой парень.

Более сообразительная и внимательная Настя толкнула его в бок.

– Жень! Гляди вниз!

Евгений опустил голову и уставился в землю под ногами, Настя быстро приблизилась ко мне.

– Мужчины такие странные, – хмыкнула она, – порой кажется, что они вообще соображать не умеют.

– Сама велела: гляди вниз, – прогудел Евгений, тоже подходя к окошку, в котором застряла я, – это бабы ненормальные. Скажут не по-человечески, а потом злятся. Мама вчера отругала меня за то, что я купил банку нарезанных оливок. Отправила за консервами, где они как с дерева снятые. Пришлось второй раз в магаз топать. И что в результате? Она целые оливки сама покромсала и в салат бросила. Где логика?

– Наверное, в банке были те, что кружочками настругали, – пояснила Настя.

– И что? – изумился Евгений.

– А для салата надо дольками, – прозвучало в ответ.

– Все женщины с поехавшей крышей, – сделал вывод парень. – А вы как сюда попали?

– Хотела вылезти из окна, – честно ответила я.

– Зачем лезть из окна? – заморгал Женя.

– Вопрос на миллион, – засмеялась Настя, – чтобы вылезти из него.

– Можно в дверь выйти, – пробурчал Евгений.

– Логично предположить, что ее или заперли, или еще что-то случилось, – прервала коллегу Настя.

Я вкратце рассказала полицейским о детективном агентстве и своих злоключениях, потом попросила:

– Вытащите меня поскорей. Очень неудобно.

– Надо принести инструмент, – пробормотал Женя и двинулся к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

История создания «Тюх-Плаза» рассказана в книге Дарьи Донцовой «Годовой абонемент на тот свет».

2

Серпастый, молоткастый – Аня не совсем точно цитирует стихи В. Маяковского о советском паспорте. У поэта он «молоткастый, серпастый».

3

Пагль – порода собак. Выведена в США. Пагль – ? мопс + ? бигль – мопс по-английски pug, читается, как «паг» – от него первая часть названия, от бигля окончание «ль» паг + ль = пагль. Пагли очень забавные, веселые. Они бывают разные, в интернете есть много их фото.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/temnye-predki-svetloy-detki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)